

ЕЛЕНА С. СУРКОВА
Белорусский государственный университет
Минск

ПОНЯТИЕ „КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКАЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА” В ЛИНГВОИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

1.0. Введение. Исторический контекст миссии Константина-Кирилла и Мефодия среди славян свидетельствует о том, что эта миссия предполагала решение целого комплекса специфических задач, которые в таком масштабе не ставила перед собой и не решала ни одна другая миссия, когда-либо действовавшая в Европе. В частности, как пишет Н. Б. Мечковская, „религиозно-культурный подвиг славянских первоучителей святых Кирилла и Мефодия по своему непосредственному содержанию был прежде всего *филологической* работой: они создали славянскую азбуку, перевели на славянский язык литургию и первый корпус библейских четьих книг, сложили первые молитвы и произведения религиозной поэзии, философии и полемики на славянском. Трудями первоучителей был создан первый литературный язык славян и положено начало славянской словесно-художественной и филологической традиции” (Мечковская 2000, 3).

1.1. Константин-Кирилл как основатель филологической школы. Теоретические основания ранней славянской филологической традиции заложил Константин-Кирилл (827–869), которого Фр. Дворник называет „одним из крупнейших полиглотов и грамматистов Средневековья” (Dvorník 1959, 84). Согласно сохранившимся источникам о Константине-Кирилле и в связи с установившейся традицией, можно выделить две области науки, в которых славянский первоучитель проявлял свои познания – это философия и филология.

По свидетельству целого ряда исторических источников, имя Константина-Кирилла всегда сопровождалось прозвищем *Философ*. Это означает, что современники создателя славянской письменности воспринимали его как высокообразованного миссионера, обладавшего обширными познаниями как в области богословия, так и в сфере классической философии и науки. Например, автор *Итальянской легенды* уделяет внимание тому факту,

что Константин с раннего детства проявлял большие способности в сфере интеллектуальной деятельности, благодаря чему и был назван философом: „qui ob mirabile ingenium, quo ab ineunte infantia mirabiliter claruit. Weraci agnoscere Philosophus est appellatus” [FL VII, 295]. А Анастасий Библиотекарь в письме к Карлу Плешивому сообщает о том, что Константин Философ высоко ценил труды Псевдо-Дионисия Ареопагита и был способен цитировать большие фрагменты из книг часто упоминаемого им отца Церкви: „totum codicem saepe memorati et memorandi Patris memoriae commendaverat” [FL VII, 207–208].

О профессиональном интересе Константина-Кирилла к философии свидетельствует также его житие, в котором сохранились сведения о том, что после хазарской миссии Константин „в цр_кви светихъ апостоловъ сѣде”¹ [ПЖК XIII], т.е. занял должность преподавателя философии в Петра и Павла, в которой размещалась Патриаршая школа².

Кроме того, факты участия Константина-Кирилла в философских диспутах с противниками христианской веры и еретиками, а также в искоренении языческих культов дают основание говорить о нем как о религиозном философе, который в рамках христианской отродоксии стремился решать целый ряд онтологических, гносеологических, эстетических и других проблем. Предметом философствования стали вопросы о „характере философии, о природе и Боге, неизменности и развитии, об общих понятиях и единичных явлениях, о сущности познания и др. Особого внимания заслуживают в силу своего методологического значения взгляды Константина Философа на источник познания – через догматы веры, посредством опыта и разума либо через то и другое” (Велчев 1971, 222). Методы философствования Константина-Кирилла свидетельствуют о синтезе теологии и философии, дающем возможность согласовывать поддержанные авторитетом Церкви доктрины с концепциями, разработанными им в процессе наблюдения над действительностью. Эти концепции могут быть объединены в систему, созвучную тем направлениям философствования, которые были актуальны для интеллектуальных кругов Византии в IX в., благодаря чему в истории византийской философии имя Константина-Кирилла упоминается наряду с двумя другими крупнейшими мыслителями того времени – Фотием и Львом Философом (Математиком) (см. Вуру 1912, 435).

¹ Фр. Дворник характеризует эту фразу как аллюзию к греческому выражению $\kappa\tau\acute{\iota}\sigma\tau\omicron\upsilon\sigma\iota\varsigma$ $\kappa\alpha\tau\omicron\upsilon\lambda\omicron\upsilon\sigma\iota\varsigma$ „кресло учителя, кафедра” (Dvornik 1950, 121). Показательна замена лексемы $\kappa\alpha\tau\omicron\upsilon\lambda\omicron\upsilon\sigma\iota\varsigma$ словом $\kappa\alpha\tau\omicron\upsilon\lambda\omicron\upsilon\sigma\iota\varsigma$ в Загребском списке ПЖК 1469 г.: „живѣше въ цр_квыст_ыи” [ПЖК XIII, 103]. Переписчик XV в. не распознает греческое образное выражение и заменяет его более конкретным „жити въ цр_кви”, таким образом, трансформируя смысл.

² Патриаршая школа в Константинополе, основанная в V в., упоминается в византийских источниках, начиная с VII в., как влиятельное учебное заведение, в котором преподавались как богословские, так и светские дисциплины.

О филологической специализации Константина-Кирилла свидетельствует целый ряд исследований по византийской науке и образованию (см. Runciman 1935; Dvornik 1950; Treadgold 1997; Липшиц 1961). Кроме того, несомненно еще при жизни первоучителя в славянской общине складывался образ „прѣваго наставника словен’скоу езыкоу” [ПЖК, 89], которого как создателя славянской письменности знают все славяне (в отличие от греков, которые не всегда осведомлены о создателях греческого алфавита и времени его создания („рѣдѣци отъ нихъ вѣдѣтъ” [Хр, 145])).

По свидетельству агиографических источников, Константин-Кирилл получил основательное филологическое образование: „егда же пріиде къ Цр_игради, вѣдаше его оучителѣмъ да се оучить. и въ три мѣце навѣкъ граматикію и прочіихъ дѣтъ се оученіи” [ПЖК IV, 91]. Чтение античных авторов (особенно Гомера) формировало умение анализировать те фонетические, морфологические и особенно семантические изменения, которые происходили в процессе эволюции греческого языка со времен Античности вплоть до IX века.

Совершенствованию филологической подготовки Константина-Кирилла послужило его общение с Фотием³, который всегда проявлял живой интерес к общепилологическим и грамматическим вопросам.

Близость к кругу Фотия и, возможно, непосредственное участие в филологических проектах патриарха, в том числе связанных с распространением минускула, позволяет объяснить факт использования Константином-Кириллом византийского минускула IX в. как основы для составления славянского письма (Ягич 1911; Гардтгаузен 1911; Вугу 1912).

Хорошая осведомленность в вопросах истории письменных культур многих народов, а также знание нескольких языков⁴ давали Константину-Кириллу возможность профессионально подходить к изучению новых языковых систем. Сведения о его методе содержатся в *Пространном Житии Константина* (ПЖК), упоминающем, что сопоставляя чужой язык с родным, он отделял гласные и согласные звуки („и силоу рѣчи пріемъ, свои бесѣдѣ прикладае различіе писмень, гласнаа и съгласнаа” [ПЖК VIII, 96]).

³ Как известно, после окончания Магнаврской школы Константин-Кирилл некоторое время занимал должность библиотекаря Патриаршей библиотеки при церкви Святой Софии в годы первого патриаршества Фотия, что предусматривало тесное общение патриарха и будущего апостола славян. Кроме того, Анастасий Библиотекарь в письме к папе Адриану II свидетельствует о том, что Константин был учеником Фотия [FL VII, 195].

⁴ Помимо греческого и славянского, которые он знал с детства, Константин-Кирилл владел латынью, сирийским, еврейским, самаритянским, арабским и, возможно, некоторыми другими восточными языками. Об интересе Константина-Кирилла к изучению языков свидетельствует его житие, сообщающее, в частности, что в Херсоне славянский первоучитель занимался изучением древнееврейского и самаритянского, готовясь к диспутам со сторонниками иудаизма [см. ПЖК VIII, 95]. Там же Константин-Кирилл в течение нескольких месяцев изучал хазарский язык.

Сопоставительно-аналитический метод позволял хорошо понимать изучаемый язык. Как отмечает И. Тот, этот же метод был использован Константином-Кириллом и при составлении славянской азбуки (Тот 1981, 33–35).

Знание еврейского и самаритянского языков помогло Константину-Кириллу прочитать и расшифровать загадочную надпись на чаше царя Соломона, которая хранилась в ризнице Св. Софии [*ПЖК* XIII, 103–104]. Три стиха, которые были интерпретированы Философом как пророчество о Христе, генетически связаны с христианской апокрифической традицией пророчеств о Мессии и его царстве.

В истории становления европейской грамматической науки имя Константина-Кирилла может быть упомянуто в связи с переводом им на греческий грамматики древнееврейского языка („научи се тоу жидовской бесёдѣ и книгамъ, и осемь чести прѣложи граматикіе” [*ПЖК* VIII, 95]).

По мнению Фр. Дворника, уровнем образованности, а также в соответствии с занимаемыми должностями Константина-Кирилла можно сравнить с Георгием Хировоском, который в половине VII в. также был дьяконом, хартофилаксом, грамматистом, преподававшим грамматику и диалектику в патриаршей Академии (Dvornik 1970, 71–72).

Таким образом, обширные познания в области теории и практики современной ему филологической науки, собственные лингвистические изыскания позволили Константину-Кириллу войти в историю византийской науки и образованности, а затем перенести принципы и основания греческой научной парадигмы мышления на славянскую почву, став создателем первой филологической школы у славян.

О том, что такая школа действительно была создана, свидетельствует *Пространное житие Константина*, которое впервые упоминает о круге учеников и сотрудников просветителя славян в эпизоде сложения Константином-Кириллом славянской азбуки: „шѣѣ же фѣлосѣфѣ по прѣвому вѣбѣчаю на мл_твоу се вѣдасть и сѣ инѣми поспѣшники. вѣскорѣ же б_ѣ емоу ави послоушае млтвы свои^х рабѣ и абіе сложи писмена” [*ПЖК* XIV, 104]. В *Пространном житии Мефодия* (*ПЖМ*) это событие излагается следующим образом: „нѣ великоу сл_шавѣша рѣчь на молитвоу с\ наложиста и сѣ инѣми иже б_ахоу тогожде д_ха дгоже и си. да тоу ави б_ѣ философоу словѣньск= книг=. и абид оустроивѣ писмена и бесѣдоу сѣставлѣ поути с\ ать моравскаго поимѣ мефеодиа. начатѣ же пак= сѣ покорѣмъ повиноу\с\ слоужити философоу и оучити сѣ нимѣ. и трѣмъ лѣтомъ ишѣдѣшемъ вѣзвратистас\ из морав= оученик= наоучѣша” [*ПЖМ* V, 188]. Как комментирует эти два фрагмента А.-Е. Тахиаос, оба текста подтверждают тот важный факт, что у Константина-Кирилла, создавшего письмо для славян, существовал круг сотрудников, которые в *ПЖК* называются „поспѣшники”, а в *ПЖМ* – „иже б_ахоу тогожде д_ха дгоже и си” (Тахиаос 1971, 285). Кроме того, *ПЖМ* в цитируемом фрагменте упоминает об учениках, которых солунские

братья обучали в течение трех лет в Моравии. Показательно, что оба жителя сообщают о „поспешниках” – книжниках греческого и славянского происхождения, которые затем были привлечены Константином-Кириллом и Мефодием к работе над переводами богослужебных книг – именно в связи с эпизодом обретения письмен.

1.2. Понятие „школа” в современной палеославистике. Выстраивая далее концепцию Кирилло-Мефодиевской филологической школы, мы рассмотрим некоторые теоретико-исторические проблемы, касающиеся содержательных аспектов понятия *школа*, выработанных медиевистами.

В современных палеославистических исследованиях существует несколько подходов к определению понятия *школа*. Различают несколько типов *школ* в истории книжно-письменной культуры славянского Средневековья: (1) графическая школа, признаком принадлежности к которой является единый графический стандарт; (2) переводческая школа, для которой характерны единые принципы (по букве или по смыслу) и приемы перевода, общие черты языка⁵ и стиля, особая манера изложения; (3) литературная („книжная”) школа, предполагающая авторское творчество индивидуумов, которое отличается характерными особенностями поэтики, стиля и языка, тематики и жанра, что в принципе мало совместимо с нормами средневековой литературной сферы, ориентированной на универсализм и анонимность. В связи с этим некоторые исследователи предлагают говорить не о книжной школе, а о книжном центре, объединяющем функции всех вышеперечисленных школ, поскольку в нем „в реальных условиях литературные произведения читаются, переводятся, пишутся и переписываются” (Богданович 1983, 107). На самом деле, такие центры славянской письменности, как Охрид и Преслав, Хиландар и Зограф, Тырново и Ресава представляют собой „средоточия” книжно-письменной культуры, будучи центрами „подлинного литературного действия и творчества” – от элементарного переписывания книг до оригинальных и глубоких авторских находок.

В контексте такого понимания *школы* применительно к славянской письменной истории следует отметить, что моделируемое нами содержание понятия „средневековая филологическая школа” предполагает более широкий набор функций и дифференцирующих критериев по сравнению, например, с переводческой или литературной школами.

Таким образом, *филологическая школа*, сложившаяся у славян в IX–X вв., может быть определена как имеющая просветительские и научные цели структура, возникновение которой было обусловлено деятельностью свв. Константина-Кирилла и Мефодия, разработавших систему общих осново-

⁵ В качестве критерия, определяющего принадлежность памятника к той или иной переводческой школе, А. И. Соболевский признает данные лексики в языке переводных памятников (Соболевский 1910).

полагающих принципов и направлений развития этой школы в связи с рефлексией над языковыми проблемами самого широкого спектра – от конкретных случаев языкового варьирования при переводе до теоретических вопросов, связанных с языковой семантикой при интерпретации сложных теолого-философских категорий. Для определения границ понятия „Кирилло-Мефодиевская филологическая школа” мы будем исходить из лингвистических и экстралингвистических критериев.

1.2.1. Лингвистические критерии понятия „Кирилло-Мефодиевская филологическая школа IX–X вв.”. К лингвистическим критериям, позволяющим дать предметную характеристику феномену Кирилло-Мефодиевской школы IX–X вв., в первую очередь следует отнести ее изначальный *билингвизм* (Будилович 1885; Верещагин 1966, 1969; Славски 1971). Использование греческого языков в качестве языка-оригинала и языка-реципиента при трансляции греко-византийского дискурса в славянскую речевую область – это не единственно возможная ситуация реализации двуязычия славянских просветителей. Билингвизм первоучителей славян и их учеников оказывался востребованным в разных сферах их деятельности. В частности, характеризуя степень владения греческим языком Константина-Кирилла, Е. М. Верещагин полагает, что „если мы не предположим хорошего владения греческим языком, то мы должны отрицать свидетельство пространного жития Кирилла о его прении с низложенным патриархом Иоанном Грамматиком, мы должны отрицать его богословскую подготовку, мы должны отрицать его многочисленные миссионерские успехи, мы должны отрицать его авторство в создании канона Клименту и т.д.” (Верещагин 1971, 177). С другой стороны, анализ языка кирилло-мефодиевских переводов позволяет говорить о том, что „славянские первоучители великолепно владели славянским языком. Аргументом здесь в первую очередь является выбор зависимых слов в словосочетаниях. [...] Указание на совершенно необусловленный греческим языком выбор зависимых слов обладает еще большей убедительностью” (Верещагин 1971, 172–173).

Следует также отметить, что билингвизм книжников Кирилло-Мефодиевской школы не исключал проявлений языкового плюрализма. Помимо изначального греко-славянского двуязычия самих солунских братьев, обусловившего характер переводческой деятельности школы, необходимо учитывать факты привлечения их учениками (в первую очередь, моравянином Гораздом, хорошо знакомым с уже имевшей распространение в Моравии христианской терминологией) латинских и древневерхненемецких источников для создания славянского литургического дискурса (см. Meillet 1926; Pogorělov 1927; Večerka 1978; Флоря 1985).

Кирилло-Мефодиевская агиография сохранила сведения о том, что билингвизм славянских просветителей действительно воспринимался как отличительный признак, определявший характер их деятельности. Так, автор

открытой К. Ивановой *Службы св. Кириллу*, написанной после XVI в. и включенной в состав Мюнхенской праздничной минеи XVII в., привносит в представление о культе первоучителя мотив „забвения” Константином-Кириллом греческого языка и предпочтение им славянского: „мнѣга искишенуа претръпель еси стлю Квриле. т солнаны ненависть. како забыль еси языка грѣчьскаго. словесны^х блъгаре^х бл_годаренуе” (см. Иванова 1992).

Одним из основных лингвистических критериев определения принадлежности памятника к кругу авторов Кирилло-Мефодиевской школы IX–X вв. является *алфавитная система*, с помощью которой был записан авторский оригинал. Привлекая к лингвоэпистемологическому исследованию славянскую часть Кирилло-Мефодиевского корпуса, мы исходим из того факта, что основные созданные в рамках раннеславянской филологической школы тексты изначально имели глаголические протографы (Matejka 1967; Mareš 1971; Zaradija Kiš 1995; Veder 1999; Мещерский 1995 и др.).

Помимо этого, фактором, подтверждающим существование филологической школы либо иной формы организованной и систематической филологической работы, является контролируемая *текстологическая традиция*, проявляющаяся в выработке стабильных по составу текстов⁶. В связи со старославянскими переводными богослужебными текстами, возникшими в Кирилло-Мефодиевской школе IX–X вв., можно говорить о том, что „правильным” для переписчиков был кирилло-мефодиевский архетип, закрепленный литургической практикой.

1.2.2. Экстралингвистические критерии понятия „Кирилло-Мефодиевская филологическая школа IX–X вв.”. Важнейшими экстралингвистическими критериями следует считать данные о *хронологии* и *локализации* школы.

В хронологическом плане возникновение Кирилло-Мефодиевской филологической школы может быть отнесено непосредственно к тому периоду миссионерской деятельности Константина-Кирилла и Мефодия, который принято связывать с первым этапом становления традиции *Slavia Orthodoxa*. В это время, т. е. с 863 по 885 г., были заложены основания Кирилло-Мефодиевской филологической традиции: созданы на греческом языке⁷ и переведены на славянский программные сочинения, в которых были определены важнейшие направления метаязыковой рефлексии; обоснованы принципы переводческой деятельности; положено начало созданию филологической терминологии и др. Нижней границей существования школы мы будем считать время завершения второго этапа в развитии вышеуказанной

⁶ Например, в истории Александрийской филологической школы (IV–II вв. до н.э.) известен факт создания канонического текста (ἰκδωσι-) *Илиады* Гомера, сохранившего стабильность вплоть до эпохи книгопечатания (Мещер 1996, 151).

⁷ О том, что Константин-Кирилл писал по-гречески, свидетельствует историографическая традиция (Дуйчев 1963; Георгиев 1971), а также источники: *Пространное Житие Константина* (см. ПЖК X, 101) и письма Анастасия Библиотекаря.

традиции, начавшегося сразу после смерти Мефодия и изгнания его учеников из Моравии и продолжавшегося на протяжении всей симеоновской эпохи в Болгарии. В этот период ближайшие ученики и последователи славянских первоучителей смогли укрепить свои позиции в продолжающейся дискуссии вокруг статуса старославянского языка благодаря канонизации Солунских братьев⁸: святость апостолов славян предполагала ортодоксальность их дела. Кроме того, именно в это время (в последние десятилетия IX – первые десятилетия X в.) совместными усилиями учеников Мефодия и болгарских книжников было завершено создание корпуса богослужебных текстов на славянском языке, а также осуществлены переводы циклов проповедей, богословских сочинений и памятников византийской историографии и др. (Флоря 1985, 64).

Локализация Кирилло-Мефодиевской филологической школы определяется тем, какие центры доминировали в процессе развития книжно-письменной культуры ареала *Slavia Orthodoxa* в разные периоды деятельности представителей школы. Логично соотнести эти периоды с традиционно выделяемыми в истории создания славянской письменности и старославянского языка моравско-паннонским и болгарским этапами.

Моравско-паннонский период может быть отмечен безусловным единством школы, которую, следуя историографической традиции, следует, таким образом, изначально локализовать в Велеграде. Как свидетельствуют археологические данные, это был старейший христианский центр в Великой Моравии, который также имел коммерческие и культурные контакты с Византией. Кроме того, есть сведения о том, что в этом центре существовало поселение греческих священнослужителей, прибывших в Велеград до 863 г. и, вероятно, оказывавших содействие Константину-Кириллу и Мефодию в их миссионерской, катехизаторской и образовательной деятельности (см. Dittrich 1962, 119–120). В Паннонии в качестве такого центра следует, вероятно, указать Блатенград – столицу князя Коцела.

В последующий – болгарский – период существования Кирилло-Мефодиевской филологической школы можно говорить о ее локализации в двух конкурирующих центрах в Охриде и Преславе. Традиции первоучителей в этих крупнейших центрах раннеславянской книжно-письменной культуры сохраняли и развивали Климент Охридский (ум. ок. 910). С Охридской

⁸ Последующая канонизация ближайших учеников Константина-Кирилла и Мефодия, составивших вместе с первоучителями круг так называемых „седмочисленицев“, свидетельствует о том, что, создав своеобразный пантеон первых славянских святых, деятельность которых носила просветительский и миссионерский характер, древнеславянская Церковь поместила в начало своего исторического времени персонажей, открывающих исторический ряд деятелей науки, чей культ также вписывался в архаическую мифопоэтическую традицию – типологически „седмочисленицы“ повторяют известную модель семерки древнегреческих мудрецов, куда, по некоторым версиям, входили Пифагор, Эпименид и Фалес (см., например, Диоген Лаэртский [I.40]; Платон *Протагор* [343A]).

книжной школой, ведущей свое начало с досимеоновской поры, были также связаны Наум Охридский (ум. 910), архиепископ Феофилакт (ок. 1085 – ок. 1107). История Преславского книжного центра формировалась в связи с деятельностью царя Симеона (893–927) и его круга, к которому были близки Иоанн экзарх Болгарский (нач. X в.), Козьма Пресвитер и, возможно, Черноризец Храбр. Хронологические границы Преславского книжного центра следует определить, начиная с 885–886 гг. до 972 г. – времени разрушения Преслава. Охридский и Преславский книжные центры определили облик славянской литературы IX–X вв., ее „золотой век”, на протяжении которого были созданы такие памятники, как *Учительное евангелие* Константина Преславского, *Небеса* и *Шестоднев* Иоанна Экзарха, ораторская проза Климента Охридского, гимнографические сочинения Константина Преславского и Наума Охридского⁹.

К экстралингвистическим критериям определения понятия *школа* также можно отнести наличие общего для всех представителей школы культа особо чтимого святого, который в той или иной степени определял аксиологические приоритеты. Как известно, представители Кирилло-Мефодиевского круга находились под влиянием культа св. Климента Римского, четвертого римского папы, мученически погибшего в Херсоне во время правления императора Траяна (97–117 г.). Документальным подтверждением этого влияния являются сведения, содержащиеся в переданном в VIII главе *Пространного Жития Мефодия* послании римского папы Адриана II к славянским князьям. Адриан, в частности, пишет о том, что создание славянской письменности было возможно благодаря заступничеству св. Климента, который почитался как покровитель великоморавской миссии и славянской Церкви в Моравии: „акоже дсть философъ началъ Кост\нтинъ бж\ю бл\годатью и з[a] мл\тв= ст\го Климента, такоже же, аге инъ к\то възможесть достойно и правов\рьно съказати” [*ПЖМ* VIII, 189]. Кроме того, по мнению Фр. Гривеца (Grivec 1960, 223), вероятно, с целью богослужебного использования были переведены на старославянский язык три сочинения Константина-Кирилла, написанные им по случаю обретения мощей св. Климента. Это упоминавшиеся Анастасием Библиотекарем в письме к Гаудериху краткая история (*historia brevis*), похвальное слово (*sermo declamatorius*) и гимн „о прославлении Бога и блаженного Климента” [*FL* VII, 206–207], первые два из которых Анастасий сам перевел с греческого на латинский.

Свидетельства источников, связанных с именем Анастасия Библиотекаря, позволяют предположить, что он доверяет истории обретения мощей

⁹ В обнаруженной в Зографском монастыре на Афоне Служебной минее XIII в. (за сентябрь, октябрь и ноябрь) содержится канон в честь апостола Андрея, автором которого исследователи считают Наума. Основанием для такой атрибуции является акростих с именем Наума, составленный из первых букв тропаря IX песни (Кожухаров 1984).

св. Климента¹⁰. Однако Анастасий также пишет о том, что сам Константин Философ отказался рассказать об этом эпизоде своей херсонской миссии: „*quae praedictus philosophus fugiens arrogantiae notam referre non passus est*” (*Ep. ad Gaudericum* цит. по: Pastnek 1902).

Как указывает Ф. Дворник (1970, 208, 218, 347), культ римского папы Климента одновременно с культом св. Дмитрия Солунского был актуален для Кирилло-Мефодиевской традиции, которая навсегда связывает с именами первоучителей не только создание славянской письменности, но и распространение среди славян культа румского святого. В частности, известно, что почитание св. Климента имело место в средневековой болгарской Церкви в качестве своеобразного „богослужебного моравизма”, сохранившегося в литургической практике (его имя было включено в молитвенные возгласы наряду с особо чтимыми восточными и западными святыми), также имя святого встречается в памятниках староболгарской письменности (в основном агиографических) и в составе надписей на стенах древних храмов (например, в с. Равна; см. Попконстантинов, Смядовски 1983).

1.3. Выводы. Таким образом, на основании перечисленных критериев можно сделать вывод о том, что миссионерская деятельность Константина-Кирилла и Мефодия среди славян предполагала создание филологической школы, выполнявшей помимо собственно просветительских задач функции научного центра, одной из задач которого было теоретизирование по поводу всего комплекса проблем, связанных с представлением о языке в эпоху Средневековья. Данное направление деятельности книжников Кирилло-Мефодиевского круга предопределило то, что первая раннеславянская филологическая школа обеспечила глубокие преемственные связи между научными изысканиями предшествующей византийской филологической традиции и последующими этапами становления и развития лингвистической науки у славян.

Принятые сокращения

ПЖК – *Пространное Житие Константина*. Цит. по: *Климент Охридски*. Събрания съчинения / Под ред. Б. Ангелов и Хр. Кодов. – София: Изд-во на БАН, 1973. Т. 3. – С. 30–159.

ПЖМ – *Пространное Житие Мефодия*. Цит. по: *Климент Охридски*. Събрания съчинения / Под ред. Б. Ангелов и Хр. Кодов. – София: Изд-во на БАН, 1973. Т. 3. – С. 160–212.

¹⁰ Эту историю Анастасий услышал от Митрофана, епископа Смирны, который будучи сосланным Фотием в Херсон, оказался свидетелем открытия мощей („*cum et ipse inspector factus non nescias*” [Ягич 1893, 8]).

- Хр* – Черноризец Храбр. *О письменах*. Цит. по: Veder W. R. *Utrum in alterum abiturum erat? A Study of the Beginnings of Text Transmission in Church Slavic. The Prologue to the Gospel Homiliary by Constantine of Preslav, The text On the Script and the Treatise On the Letters by Anonymous Authors.* – Bloomington, Indiana: Slavica, 1999. – S. 88–167.
- FL* – Латински извори за българската история (Fontes Latini historiae Bulgaricae) / Съст. и ред. И. Дуйчев, М. Войнов и др. – София: Изд-во БАН, 1960. Т. 7, ч. 2.

Литература

- Богданович Д., 1983, *Книжовна школа и книжовно средище*, „Старобългаристика” VIII, № 4, с. 106–109.
- Будилович А. С., 1885, *Несколько мыслей о греко-славянском характере деятельности свв. Кирилла и Мефодия*, [в:] *Мефодиевский юбилейный сборник*, ред. А. С. Будилович, Варшава: Имп. Варш. ун-т, с. 1–117.
- Белчев В., 1971, *Делото на славянския просветител Константин-Кирил Философ в историята на културата*, [в:] *Константин-Кирил Философ. Доклади от симпозиума, посветен на 1100-годишнината от смъртта му*, ред. П. Динеков, София: Изд-во на БАН, с. 215–250.
- Верещагин Е. М., 1966, *К характеристике билингвизма эпохи Кирилла и Мефодия*, „Советское славяноведение” № 2, с. 61–65.
- Верещагин Е. М., 1969, *Билингвизм Кирилла и Мефодия и создание древнеславянского литературного языка*, [в:] *Славянские литературные языки в донациональный период*, Москва: Наука, с. 57–72.
- Верещагин Е. М., 1971, *Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия*, Москва: Изд-во МГУ.
- Гардтгаузен В., 1911, *Греческое письмо IX–X ст.*, [в:] *Энциклопедия славянской филологии* 3, ред. И. В. Ягич, Санкт-Петербург: Тип. Импер. Академии наук, с. 37–50.
- Георгиев Е., 1971, *Състоянието на кирило-методиевата научна проблематика към 1100-годишнината от смъртта на Кирил*, [в:] *Константин-Кирил Философ. Доклади от симпозиума, посветен на 1100-годишнината от смъртта му*, ред. П. Динеков, София: Изд-во на БАН, с. 13–29.
- Дуйчев И., 1963, *Към тълкуването на пространните жития на Кирила и Методия*, [в:] *Хиляда и сто години славянска писменост*, ред. Д. Ангелов, Е. Георгиев и др., София: Изд-во на БАН, с. 93–117.
- Иванова К., 1992, *Неизвестна служба за св. Кирил в състава на Празничен миней от XVII в.*, „Старобългаристика” XVI, № 3, с. 37–40.
- Кожухаров Ст., 1984, *Песенното творчество на старобългарския книжовник Наум Охридски*, „Литература история” 12, с. 3–19.
- Липшиц Е. Э., 1961, *Очерки истории византийского общества и культуры*, Москва – Ленинград: Изд-во АН СССР.
- Мецгер Б. М., *Текстология Нового Завета: рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала*, Москва: Библийско-Богословский Институт св. апостола Андрея.

- Мечковская Н. Б., 2000, *Кирилло-Методиевское наследие в филологии Slavia Orthodoxa и языковые вопросы в русском православии XX века*, „Славяноведение” № 2, с. 3–17.
- Мещерский Н. А., 1995, *Древнеславянский – общий литературно-письменный язык на раннем этапе культурно-исторического развития всех славянских народов*, [в:] Мещерский Н. А., *Избранные статьи*, ред. Е. Н. Мещерская, Санкт-Петербург: Изд. отд. языкового центра филологич. фак-та СПбГУ, с. 21–32.
- Попконстантинов К., Смядовски Т., 1983, *За почитането на Климент, папа римски в средновековна България (по епиграфски данни от IX–X век)*, „Старобългаристика” VIII, № 4, с. 86–92.
- Славски Ф., 1971, *Праславянски и южнославянски елементи в езика на Кирил и Методий*, [в:] *Константин-Кирил Философ. Доклади от симпозиума, посветен на 1100-годишнината от смъртта му*, ред. П. Динеков, София: Изд-во на БАН, с. 121–125.
- Соболевский А. И., 1910, *Особенности русских переводов до-монгольского периода: Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии*, СОРЯС, Т. 88, № 3, с. 162–177.
- Тахиаос А.-Е., 1971, *Создание и деятельность литературного круга Константина-Кирилла до Моравской миссии*, [в:] *Константин-Кирил Философ. Доклады от симпозиума, посветен на 1100-годишнината от смъртта му*, ред. П. Динеков, София: Изд-во на БАН, с. 285–293.
- Тот И., 1981, *Константин-Кирил като философ*, „Старобългаристика” V, № 4, с. 33–35.
- Флоря Б. Н., 1985, *Славянская письменность и европейская культура раннего Средневековья*, „Советское славяноведение” № 2, с. 66–70.
- Ягич И. В., 1983, *Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа*, „Сборник Отд. рус. яз. и словесности”, Санкт-Петербург: с. 3–42.
- Ягич И. В., 1911, *Глаголическое письмо*, [в:] *Энциклопедия славянской филологии* 3, ред. И. В. Ягич, Санкт-Петербург: Тип. Импер. Академии наук, с. 51–262.
- Bury J. B., 1912, *A History of the Eastern Roman Empire*, London: MacMillan and Co.
- Dittrich Z. R., 1962, *Christianity in Great Moravia* [= „Bijdragen van het Institut voor Middeleeuwse Geschiedenis der Rijksuniversiteit te Utrecht” XXXIII], Groningen: J. B. Wolters.
- Dvornik F., 1950, *Photius et la réorganisation de l'Académie patriarcale*, „Analecta Bollandiana” 68, s. 108–125.
- Dvornik F., 1959, *The Slavs. Their Early History and Civilization*, Boston: American Academy of Arts and Sciences.
- Dvornik F., 1970, *Byzantine missions among the Slavs; SS. Constantine-Cyrrill and Methodius*, New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press.
- Grivec F., 1960, *Konstantin und Method, Lehrer der Slaven*, Wiesbaden: O. Harrassowitz.
- Mareš F. K., 1971, *Hlaholice na Moravě a v Čechach*, „Slovo” 21, s. 133–199.
- Matejka L., 1967, *The Creative Usage of Church Slavonic*, [in:] *To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday* [= „Janua Linguarum. Studia memoriae N. van Wijk dedicata”, Ser. Maior XXXII] Vol. II, The Hague-Paris: Mouton, p. 1295–1310.

- Meillet A., 1926, *L'hypothese d'une influence de la Vulgate sur la tradition vieuxslave de l'Évangile*, „Revue des Etudes Slaves” 1926, s. 16–37.
- Pastrnek F., 1902, *Dějiny slovanských Apoštolů Cyrilla a Methoda*, Prague.
- Pogorělov V., 1927, *O národnosti apoštolov Slavianstva*, Bratislava.
- Runciman S., 1935, *Byzantine Civilization*, London: E. Arnold & Co.
- Treadgold W., 1997, *A History of the Byzantine State and Society*, Stanford: Stanford University Press.
- Večerka R., 1978, *K vlivu latiny na staroslověštinu*, „Slavia” XLVII, s. 7–21.
- Veder W. R., 1999, *Ultrum in alterum abiturum erat? A Study of the Beginnings of Text Transmission in Church Slavic. The Prologue to the Gospel Homiliary by Constantine of Preslav, The text On the Script and the Treatise On the Letters by Anonymous Authors*, Bloomington, Indiana: Slavica.
- Zaradija Kiš A., 1995, *Hrvatskoglagoljska verzija Klimentove Pohvale svetom Ćirilu*, [u:] *Светите Климент и Наум Охридски*, ур. ???, Скопје: Македонска Акад. на науките и уметностите, с. 75–86.

***The Term ‘The Philological School of St Cyril and St Methodius’
in Historical and Graphical Aspect***

Summary

This essay represents the results of retrospective interpretation of the fragment of the early Slavic history – that time, when SS. Cyril and Methodius created their original graphic system for recording of the Holy Scripture books, translated into Old Church Slavic language. We can suppose, that together with the process of the language creation the basis of the Old Slavic philological school has been layed. Beside the practical tasks, determined by the translation activity, the participants of this school were occupied with theoretical reflection on the problems, concerning human language as a social phenomenon.

Analyzing the history of the early Slavic philological school, we can find the confirmation of its existence in the original texts, created in the IX–XIth centuries during the period of Cyrilo-Methodian school activity. It's the sources that appeared in the very beginning of the history of Slavic writings: *Life of Constantine the Philosopher (Vita Constantini) (VC)*, *Life of Methodius (Vita Methodii) (VM)*, treatise *On the Script* by Chemorizec Hrabr (*Xp*), services and homilies to Constantine-Cyril and Methodius, etc. One can see the traces of linguistic and philosophical reflection upon the system of knowledge, inherited from ancient Greek and early medieval science, in these manuscripts. Using these sources, we can reconstruct some linguistic and extralinguistic criteria, permitting us to prototype the Cyrilo-Methodian philological school as well.

